

Третье сентября: кому адресован теракт

3 сентября, в День борьбы с терроризмом, хотелось бы подробно поговорить об этом явлении, буквально разъедающем цивилизованный мир.

У терроризма есть свойство, которое сбивает с толку: он обращён не к тем, кого убивает. Погибшие в концертном зале, в вагоне метро, в школьном спортзале — не цель, а средство. Настоящий адресат — все остальные, те, кто узнает о случившемся через полчаса. Взрыв здесь работает как реплика в разговоре, только вместо слов в ход идут человеческие жизни.

Из этой простой механики следует всё остальное. Если мишень — общество, то и оборона не может быть заботой одних спецслужб. Закон разбивает противодействие на три части: профилактика, пресечение, минимизация последствий. Формулировка канцелярская, но смысл житейский. Профилактика нужна, чтобы не выросли исполнители. Пресечение нужно, чтобы замысел не стал взрывом. Минимизация нужна, чтобы взрыв, даже если он случился, не стал катастрофой.

Середину этой цепочки держат профессионалы. А вот края держат все вокруг. Охранник, которому не лень заглянуть в сумку в конце смены. Учитель, заметивший, что тихий подросток вдруг заговорил чужими словами. Врач, умеющий наложить жгут. Пассажир, не постеснявшийся сообщить о брошенном рюкзаке и не побоявшийся выглядеть паникёром. Это не героизм, а гигиена: она скучная и незаметная, пока работает. Она катастрофическая, когда перестаёт работать.

Есть и третий фронт, невидимый, — фронт смыслов. Террорист стреляет ради эффекта, а эффект производим мы сами: восхищением, обсуждением, сочувствием к убийце, романтикой подполья, репостом с многозначительным многоточием. Тот, кто объясняет чужую смерть «отчаянием» или «протестом», делает работу, которую подрывник сделать не в силах: превращает обычного уголовника в фигуру, имеющую значение для общества.

Поэтому оправдание террора — не мнение, а участие в терроре. Закон это фиксирует: статья 205.2 УК РФ карает и призывы к террору, и его публичное оправдание. Но дело не только в статье. Аплодисменты в спину

убийце — это заявка на следующего исполнителя, который прочтёт их как обещание своей славы. У террора нет собственной энергии, он питается чужой реакцией, и потому реакция — тоже оружие, только в наших руках.

Здесь полезно на время оставить мораль и заняться бухгалтерией. Терроризм — не только зло, но и на редкость бездарный инструмент. Он почти никогда не приносит того, ради чего затевался, зато исправно даёт противоположный результат. Русская история дала два хрестоматийных доказательства, и оба обошлись стране дороже иной проигранной войны.

«Народная воля» приговорила Александра Второго к смерти летом 1879 года и за полтора года устроила на него несколько покушений — подкопы, мины, динамит в Зимнем дворце. Пытались убить того самого императора, что отменил крепостное право, ввёл суд присяжных, земства и всеобщую воинскую повинность. Логика подпольщиков была почти детской: убрать фигуру наверху — и здание власти перестроится само.

1 марта 1881 года бомба Игнатия Гриневецкого на Екатерининском канале в Петербурге достигла цели. В то же утро император успел одобрить проект Лорис-Меликова — робкий, но реальный шаг к народному представительству. Через несколько дней после похорон царя похоронили и сам проект.

Дальше началась реакция. В апреле 1881 года вышел манифест о незыблемости самодержавия, в августе — положение об усиленной охране: чрезвычайные полномочия по нему продлевались вплоть до 1917 года. Пятеро первомайцев были повешены, «Народная воля» рассыпалась за пару лет — не в последнюю очередь стараниями собственных членов, моментально «переобувшихся» в провокаторов и доносчиков.

Итог арифметически безупречен: бомба убила не режим, а реформу, которая должна была изменить режим. Россия получила вместо осторожного конституционного опыта ещё три с половиной десятилетия несменяемой авторитарной власти — и отложенную революцию, которая пришла всё равно, но позже и куда кровавее. Заплатили за это, разумеется, не заговорщики: они уже лежали в земле, унеся с собой чувство исполненного долга.

Эсеры начала XX века повторили террористический опыт с поправкой на промышленные масштабы. По подсчётам историков, жертвами революционного террора в России с начала века до 1911 года стали около 17 тысяч человек убитыми и ранеными — министры, губернаторы, городовые, дворники, случайные прохожие. Убийство великого князя Сергея Александровича, министров Сипягина и Плеве шло рядом с сотнями безымянных смертей невинных людей.

В этой истории есть деталь, которую стоит вывесить над каждым подпольным кружком. Боевой организацией эсеров несколько лет руководил Евно Азеф — одновременно платный агент полиции. Человек, отправлявший

юношей на эшафот, отчитывался перед теми, кого они взрывали. И Дмитрий Богров, застреливший Столыпина в киевской опере, тоже был осведомителем охраны.

Механика террора устроена так, что любое подполье почти неизбежно прорастает провокацией: конспирация не терпит проверок, а восторг перед «делом» отключает у людей сомнение. Радикальная среда — идеальная питательная почва для чужой игры. Романтики уверены, что делают историю, а на деле они служат расходным материалом для чьей-то ведомственной отчётности или крупных политических игр.

Расплата деятельности эсеров была общей. После взрыва на Аптекарском острове появились военно-полевые суды: за восемь месяцев они вынести 1102 смертных приговора, было осуществлено 683 казни. Общество, за которое эсеры якобы вступились, получило виселицы, а сами эсеры — репутацию, от которой не отмылись больше никогда. Власть в 1917 году взяли большевики, отвергавшие индивидуальный террор как тактику.

Ирландский пример моложе и потому нагляднее. Тридцать лет конфликта в Ольстере — более 3500 погибших, из них около 1800 на счету Ирландской республиканской армии. Больше половины всех убитых за годы конфликта — гражданские: пабы, магазины, автобусные остановки, дети. Цель, ради которой всё затевалось, — объединённая Ирландия — не достигнута до сих пор. Более того — эта цель отодвинута теперь в неопределённое будущее.

Зато достигнуто другое. В 1973 году в Саннингдейле уже был подписан документ о разделении власти и совместных органах с Дублином. Соглашение рухнуло, и последовали 25 лет взрывов. В 1998 стороны сели за стол и подписали Белфастское соглашение — во многом ту же конструкцию, что и 25 лет до того. Отсюда появилась злая, но честная формула: Саннингдейл для тех, кто соображает медленно.

Формула, конечно, огрубляет фактуру: документы обоих соглашений различались, и различия были принципиальны для юнионистов. Но суть от этого не мягче. Между двумя переговорными столами уместились тысячи гробов — и не было получено ни одного политического приобретения, которого нельзя было получить без них. А довеском стал теракт в городе Ома: летом 1998, уже после соглашения, взрыв убил 29 человек.

После Омы поддержка непримиримых членов ИРА обвалилась окончательно — свои же перестали подавать им руку. Дальше произошло то, что должно было произойти на четверть века раньше: партия, связанная с республиканским подпольем, пошла на выборы и в 2022 году стала крупнейшей в ассамблее Северной Ирландии, а через два года возглавила правительство. Бюллетень сделал то, чего не сделала взрывчатка. Причём сделал без единой жертвы.

Отсюда следует простой вывод: политические цели достигаются политическими средствами, и террор — не короткая дорога, а тупик с указателем. Но честность требует оговорок.

Переговоры — не универсальный ключ в вопросе террора. Часть террористических кампаний закончилась не компромиссом, а исчерпанием сил, средств и самой идеи. Например, баскская ЭТА в 2018 году просто самораспустилась, ничего не выторговав за полвека и за 800 с лишним смертей.

Вторая оговорка важнее. Переговоры уместны там, где у противоположной стороны есть внятное политическое требование. У современного джихадистского террора, к примеру, требований нет — есть эсхатология, где смерть иноверца самоценна. С теми, кто пришёл в «Крокус Сити Холл» в марте 2024 года и убил около 150 человек, договариваться не о чем и незачем.

И третья: садиться за стол под дулом нельзя. Уступка захватчику заложников — это не мир, а преискуртант, по которому немедленно придут следующие террористы. Разговор возможен только после того, как оружие сложено. Разница между переговорами и капитуляцией проста: в первом случае обсуждают будущее, во втором — оплачивают шантаж, и вторая операция всегда требует повторения.

Сегодня терроризм сменил свой облик. Дорогая конспиративная сеть больше не нужна: достаточно мессенджера, обещания лёгких денег и подростка, которому скучно. Последние годы дали в России целый жанр — школьники и студенты, поджигающие релейные шкафы и здания за перевод на карту, уверенные, что участвуют в компьютерной игре. Игра заканчивается статьёй о теракте и реальными годами тюрьмы.

Профилактика поэтому переезжает из области техники в область разговора. Металлоискатель не остановит человека, который уже согласился на сотрудничество с террористами. Останавливает другое: взрослый, который вовремя заметил; друг, не постеснявшийся сказать; преподаватель, объяснивший, чем кончались все прошлые попытки осчастливить человечество взрывчаткой. Это и есть общее дело, лишённое всякой героики.

Ближайшие годы, вероятно, закрепят этот сдвиг. Исполнитель будет дешеветь и молодеть, вербовка — уходить в закрытые каналы и нейросетевые подделки, а средства поражения — становиться подручными: автомобиль, канистра, дрон из магазина. Крупные организованные заговоры будут перехватываться всё чаще, одиночки — всё труднее. Линия фронта проходит уже не по периметру здания, а в человеческой голове.

А значит, растёт цена самых обыденных вещей: внимания к близким, нежелания пересылать красивую чужую ненависть, привычки не искать «настоящих причин» там, где есть просто убийство.

Террор живёт эхом. Эхо создаём мы. Отказать ему в этом эхе — единственная работа, которую нельзя поручить никому: ни полиции, ни государству, ни соседу по лестничной клетке.

Фотографии из города Беслана: Екатерина Долинская

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Дмитрий
Аккерман.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: kras24.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

Подробнее о размещении

Отказ от ответственности

Правила перепечаток

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)